
**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ В
XXI ВЕКЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

© 2016 г. Ю.В. Ковалева*, В.А. Соснин**

*THE STRATEGIC STABILITY AND THE NUCLEAR RESTRAINING IN XXI
AGE: GEOPOLITICAL RISKS AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS*

Y.V. Kovaleva, V.A. Sosnin

Рассмотрены геополитические риски стратегической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке для России: проблема международного терроризма, имеющая отношение к возможности возникновения ядерного конфликта; проблематика ядерных отношений между Россией и США, Китая и США, Европы и России, в регионе Юго-Восточной Азии. Проанализирована проблема новых ядерных держав, уже обладающих ядерным оружием, а также и стран, способных к его быстрому приобретению. Высказаны соображения по социально-психологическим направлениям, релевантным исследованию проблематики геополитических рисков. Обозначены основные проблемы, на решение которых может быть направлено геополитическое психологическое исследование. Это такие явления, как обострение отношений между большими

* Ковалева Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН Институт психологии РАН, julkov@inbox.ru. Работа выполнена по Госзаданию ФАНО РФ 0159-2016-0001.

** Соснин Вячеслав Александрович, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН Институт психологии РАН, sosninus@rambler.ru. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 14-18-03271).

социальными группами, манипуляция массовым сознанием, возникновение и нарастание кризисного сознания, обострение катастрофических коллективных чувств. Показаны основные способы достижения психологического благополучия граждан при столкновении с геополитическими рисками.

Ключевые слова: стратегическая стабильность, ядерное сдерживание, геополитические риски, макропсихология, социальная психология, большие социальные группы, коллективные субъекты, коллективные чувства, коллективная память, коллективный опыт и время.

Such geopolitical risks of the strategic stability and the nuclear restraining in the XXI century for Russia as the problem of the international terrorism concerning possibility of the nuclear conflict as well as the perspective of the nuclear relations between Russia and USA, China and USA, Europe and Russia, in the region of Southeast Asia were surveyed. The problem of emergence of the new nuclear powers and also countries capable to the quickly nuclear weapons acquisition was analyzed. The socio-psychological approaches relevant for the research of the geopolitical risks were discussed. The main problems on which the geopolitical psychological research could be directed were designated. These are such phenomena as the strain of relations between big social groups, the manipulation with mass consciousness, the emergence and the increase of crisis consciousness, the aggravation of catastrophic collective feelings. The main ways of the achievement of the psychological wellbeing of the citizens in collision with the geopolitical risks were shown.

Key words: strategic stability, nuclear restraining, geopolitical risks, macro psychology, socio-psychology, big social groups, collective subjects, collective feelings, collective memory, collective experience and time.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение социально-психологических аспектов стратегической стабильности (СС) и ядерного сдерживания (ЯС) не относится к проблемам, традиционно исследуемым в отечественной психологической науке. Но

исследования по этому направлению проводятся и являются актуальными (Журавлев, Нестик, Соснин, 2011, 2016).

Геополитическая ситуация в мире меняется. Возникают новые геополитические риски, в частности, для безопасности России (Журавлев, Нестик, 2016). Анализ этих изменений выходит далеко за рамки социально-психологической проблематики (Россия ..., 2007; Современная социальная реальность ..., 2014; и др.). Но если его проводить с позиции макропсихологии¹¹, то можно обозначить новое формирующееся направление исследований в социальной психологии – *геополитическую психологию* (подробнее см.: Журавлев и др., 2016, с. 7-8), чье предметное поле затрагивает изучение, в том числе, социально-психологических феноменов, сопровождающих ситуации, сложившиеся в различных регионах мира. Речь, прежде всего, идет о новых или обострившихся геополитических обстоятельствах, связанных со значительными изменениями политических курсов, этническими и религиозными конфликтами, территориальными претензиями и др.

¹¹ Макропсихология или макропсихологический подход – это относительно новая область психологической науки, особенно по отношению к социально-психологической проблематике. К сфере ее анализа относится ряд базовых общественных явлений – социально-политическое и духовно-нравственное состояние общества, консолидация, социальное самочувствие, базовые проблемы, связанные с безопасностью страны (например, проблема коррупции, наркомании и ряд других) (подробнее см.: Нравственность ..., 2012; Психологические исследования нравственности, 2013; Юревич, Журавлев, 2015; и др.). Если традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, то макропсихология изучает психологические явления, релевантные обществу в целом (Юревич, Журавлев, 2012, 2014 и др.). Новизна этой области психологии относительная, т.к. труды основателей социальной психологии и психологической науки в целом (Ле-Бона, Тарда, Вундта и др.) были связаны именно с макропсихологическими проблемами (Макропсихология современного..., 2009).

Стратегическая стабильность (СС) и ядерное сдерживание (ЯС) являются свехзначимыми приоритетами мировой политики, которые официально поддерживаются большинством государств, так или иначе имеющих отношение к ядерному оружию. Однако за время своего существования, с момента разработки и первого применения, ядерное оружие и действия, с ним связанные, приобретали различные смыслы – от средства поражения и устрашения до способа обеспечения защиты территорий или манипуляции правительствами независимых государств. Политика СС и ЯС как цивилизованный способ решения ядерной проблемы несет в себе черты всей истории деятельности человека в этой сфере, и может быть рассмотрена на разных уровнях, в том числе, на *социально-психологическом*, по отношению к актуальным геополитическим реалиям.

В 2014-2015 гг. резко обозначились негативные геополитические тенденции и риски, несущие угрозу безопасности России. Это, прежде всего, ситуация в Украине, разрыв связей с которой происходит чрезвычайно болезненно и направлен против интересов обоих государств. С этой проблемой непосредственно связаны западные санкции по отношению к России и самостоятельной политике российского руководства. Далее, это террористические угрозы как в самой России, так и в регионах, близких к ее территории. Это также разнонаправленная динамика в отношениях с Турцией – страной-членом НАТО и одним из исторически сложных геополитических партнеров России. И, наконец, непосредственное отношение к проблеме СС и ЯС имеет расширение в XXI веке клуба ядерных держав, и появление, таким образом, новых игроков на этом проблемном поле.

В рамках нового научного направления – *геополитической психологии* могут быть рассмотрены социально-психологические аспекты геополитических рисков, которые позволяют более полно описать картину политической ситуации в том или ином регионе. Необходимо отметить, что на данный момент социально-психологическое знание по этому вопросу востребовано

недостаточно по сравнению, например, с правовыми, экономическими или экологическими основами геополитических рисков (Эжиев, 2009).

Несмотря на отмечавшуюся выше новизну направления, можно выделить ряд острых вопросов, имеющих непосредственное отношение к проблеме геополитических рисков и ядерного сдерживания, частично получивших теоретическую социально-психологическую разработку: проанализированы социально-психологические факторы и механизмы (личностные, групповые и межгрупповые), связанные с психологической готовностью к использованию ядерного оружия; показаны социально-психологические принципы принятия решений в поддержку как ядерного разоружения, так и присоединения к ядерным программам; поставлены перспективные вопросы, имеющие отношение к геополитической психологии как макропсихологическому научному направлению (Макропсихология..., 2009; Юревич, Журавлев, 2012, 2014)). Так, необходим анализ геополитической стабильности и глобальных рисков с позиции групповой рефлексии (Нестик, Журавлев, 2012), глобальной групповой идентичности, доверия и оптимизма в больших сообществах (Доверие и недоверие ..., 2013), временной перспективы и коллективной памяти народа, коллективных чувств и переживаний (Емельянова, 2016), в частности, переживаний в кризисных ситуациях и ситуациях неопределенности (Нестик, Журавлев, 2010), которые являются наиболее характерными для проблематики ядерного сдерживания (Соснин и др., 2012; Нестик, 2016).

Целью работы является анализ глобальных геополитических рисков в вопросах СС и ЯС начала XXI века и возможные социально-психологические аспекты исследования в русле этого нового научного направления.

Глобальные геополитические риски стратегической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке: тенденции и проблемы

Внешинополитические интересы США и их геополитические последствия

Геополитические интересы западного мира во главе с США входят в противоречие с позициями России, Китая, стран-членов ШОС и БРИКС,

составляющими противовес одностороннему доминированию и поддерживающими многополярную мировую организацию как в наибольшей степени отвечающую интересам стран с разным уровнем и укладом политического, экономического и культурного развития.

Традиционная позиция единственного лидера на мировой арене определяет тип восприятия США новых политических реалий, которые маркируются как однозначная угроза и самому лидерству, и безопасности государства в целом. Раздражителями и источниками реального стресса в первую очередь являются такие страны, как Россия, Китай, Индия, ряд стран Латинской Америки, и их реальные и возможные союзы и объединения. Несмотря на то, что многие из этих стран, не ощущающие такого острого давления от США как Россия, тем не менее, стремятся к собственной экономической независимости и развитию. Это подвигает их, в частности, к освобождению от финансового влияния доллара и других рыночных инструментов, которые и обеспечивают американское могущество и основу доминирования этой сверхдержавы.¹²

Отношения США с Европой и Европейским союзом также являются сложными. Европа на настоящем этапе находится под воздействием очевидных и очень острых проблем, таких, в частности, как высокий уровень террористической опасности на фоне активизации миграции из мусульманских стран Северной Африки и Ближнего Востока. Все эти проблемы инспирированы действиями США в этих регионах и выглядят как последствия

¹² Существует и другой кластер стран, которые, напротив, находятся под эгидой США и используются ими в качестве инструмента для сохранения своего доминирования в мире. К ним относятся Саудовская Аравия, придерживающаяся Ислама ваххабитского толка, Катар, Турция, претендующая на возвращение своего влияния в мусульманском мире, Ирак, который в принципе зависит от США, Ливия, в которой после агрессии США и убийства ее лидера воцарился хаос борьбы суннитов и шиитов, и даже Египет, хотя его элита неоднозначно относится к действиям США.

их политики. В этой связи четко проступает и позиция союзников США в регионе, в частности, Турции, претендента на членство в Евросоюзе, но чьи действия, при этом, в отношении мигрантов, приходящих с ее территории, работают против европейских интересов. Даже если у европейских лидеров и существует понимание истинных причин проблем в их государствах, в настоящий момент они не в состоянии действовать в собственных интересах. Велика в этих процессах и роль Великобритании – авторитетного игрока в европейской политике и проводника интересов США, а также Североатлантического альянса (НАТО), через который, как через свой основной институт влияния, США непосредственно включаются в политику континента. Расширение НАТО на восток Европы, мушкетирование мнимой угрозы, исходящей от России и Китая – это, прежде всего, механизмы психологического воздействия на население Европы для обеспечения, в конечном счете, поддержки нужных для США лидеров этих стран.

США остается глобальным геополитическим соперником России. И причины этого обусловлены как нашим исторически сильным положением в Евразии, так и современным независимым политическим стилем государства. Эти факторы не позволяют США удерживать мировое господство и стимулируют их к поиску способов борьбы с таким положением дел. По сути, США в этих условиях прибегают к самым маргинальным способам геополитического противостояния – к поддержке заведомо неправых, бесчеловечных террористических организаций, паразитирующих на исторически отживших, но популярных идеях возрождения государственных образований ближневосточного региона.

Геополитические риски, связанные с проблематикой современного терроризма

Терроризм в современном мире – это глобальная угроза существованию мировому социуму. Одной из наиболее активно действующих

террористических организаций, наряду с Аль-Каидой, остается ИГИЛ¹³ – международная террористическая организация, которая на настоящий момент является основной угрозой цивилизации, поскольку в своих методах приближается к традициям раннего Халифата с его варварским отношением к другим культурам. Важно понимать, что такая активность ИГИЛ наносит вред, прежде всего самому Исламу как одной из ведущих мировых религий (подробнее см.: Соснин, 2016).

Так лидеры террористов считают, что в новый Халифат должны войти территории, которые раньше входили в Османскую империю в период ее расцвета (VII – IX веков)¹⁴. Все государства мира с мусульманским населением, где раньше проживали и проживают большие общины мусульман, должны стать мусульманскими (собственно идея Халифата). Речь идет о том, чтобы провозгласить в христианских государствах Европы, Азии, Африки и т.д. Халифат как единую империю мусульманского мира во главе с новым Султаном, и осуществить возврат к первым векам доминирования Ислама (Соснин, Нестик, 2008; Тодуа, 2006). Даже канонический Ислам не позволял в эпоху своего доминирования над Христианством таких варварских и кровавых

¹³ ИГИЛ – организация, запрещенная в РФ по решению Верховного суда. В настоящее время название «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) не существует. Теперь ее официальное название – «Исламское государство» (ИГ), название ИГИЛ используется для удобства, зная о том, что сейчас идут горячие споры по этому поводу. Термин «Даеш» - это звуковая аббревиатура арабского названия «Исламское государство Ирака и Аль-Шама». Этот акроним не несет в себе особого смысла, но считается уничижительным при его произношении (Вайс, Хасан, 2016, С. 305).

¹⁴ «...исламские султаны предприняли ряд новых походов, приведших их на равнины Венгрии и дважды 1529 и 1683 годах – под стены Вены. Почти после тысячи лет с первой высадки мавров в Испании – 710- до второй осады Вены – 1683- христианская Европа испытывала постоянную угрозу со стороны исламских народов» (Соснин, Нестик, 2008, С. 72.).

действий в отношении инакомыслящих и представителей других конфессий как современные исламские террористы.

Сегодня в нашей стране в связи с вышеназванными проблемами осознаются два аспекта данной проблематики – это необходимость противодействия ИГИЛ, несущему непосредственную опасность и России, и всему миру, и разнонаправленная динамика отношений с США, которые имеют опыт использования террористических групп как инструмента противостояния другим странам.

Это противостояние накладывает отпечаток на расклад сил в регионе и характер антитеррористической работы основных игроков.

Во-первых, возникла антитеррористическая коалиция во главе с Россией, в которую кроме правительственных войск Сирии, вошли разные группы, как военные, так и национально-территориальные – Хамас, Хессбола, отряды курдов, не считающие Башара Асада своим союзником, но признающие ИГИЛ главной угрозой, значительно большей, чем правящий режим.

Во-вторых, в этом регионе были сформированы другие антитеррористические коалиции государств, например, во главе с США или Саудовской Аравией. Их основной стратегией является поддержка умеренных исламистских группировок, борющиеся с действующей властью в Сирии, борьба с ИГИЛ при этом считается вторичной проблемой по сравнению со свержением Асада. При этом статус и собственные задачи оппозиции, помимо противодействия Асаду, этими коалициями четко не артикулируются.

Многие аналитики выступают с осуждением действий властных структур России, намекая на неадекватность их противодействия в борьбе с терроризмом в современной геополитической ситуации. Вот, например, высказывание Ш. Султанова: «Россия ввязалась в борьбу с суннитами в Сирии. В России порядка 20 процентов мусульман и это главным образом сунниты. Не нужно ли политическому руководству страны подумать – как выбираться из этой ситуации?» (Султанов, 2015). Есть и другие соображения такого же плана, так утверждается, что Россия оказалась в «...беспрецедентной ситуации»,

«вовлеченной в противодействие и борьбу на пяти направлениях сразу» (Извольский, 2015). Вот резюме обозначенных им проблем:

- гибридная борьба с Западом (экономическая конфронтация, санкции, информационная борьба в СМИ и Интернете);
- Украина (конфликт не затухает и в любое время может возродиться снова);
- Сирия, где Россия защищает Асада, а Запад категорически против него;
- возникший конфликт с Турцией, претендующей на доминирование в мусульманском мире;
- и, наконец, возможное осложнение с суннитским миром внутри самой России.

«Впереди у России – военная эскалация: медленная, <...> и очень болезненная, которая внутри страны будет давать козыри в руки проамериканских либералов». И если ситуация в мире находится на грани большой войны «<...> необходимо спросить себя – готовы ли мы к этой войне? Ответ – не готовы. <...> Исламский мир нам не простит эту борьбу!» (там же).

Установка мусульман в геополитическом плане во взаимоотношениях с представителями других конфессий, по-видимому, *отражает генетически отрицательный исторический опыт поражения мусульман в борьбе с христианским миром в средние века*, и скрытые претензии радикальных исламистов на то, чтобы Ислам, в конечном счете, взял верх над христианской цивилизацией. Бескомпромиссность и жесткость такой позиции, которая психологически заключается в готовности идти до конца и использовать все возможные средства, может не только стать основой глобального военного конфликта, в том числе и с использованием ядерного оружия.

Геополитические риски для России по ядерным проблемам

В этой связи достаточно сослаться на ведущего специалиста по проблемам СС и ЯС в России академика А.А. Кокошина, который утверждает, что обеспечение стратегической стабильности по-прежнему остается краеугольным камнем международной безопасности, главную роль в решении которой, играет сдерживающий фактор ядерного оружия. Эта многомерная

междисциплинарная проблема, являющаяся предметом политологии и политической психологии (Кокошин, 2015).

Одна из сложностей обеспечения СС (помимо материальной основы ЯС) «...состоит в том, что люди, формулирующие политические установки..., не всегда четко представляют себе и современную оперативно-стратегическую сферу, и военно-техническую, не имея к тому же «под рукой» необходимой группы экспертов, ученых соответствующей квалификации» (Кокошин, 2009, С. 20). Как утверждает Кокошин, сейчас вновь возникла угроза политико-военной конфронтации, при которой еще более рельефно проявляется роль ядерного фактора (в духе 1950-х – начала 1960-х или первой половины 1980-х годов), которая, как представлялась многим, навсегда ушла в прошлое.

Какие же новые нюансы приобретают упомянутые геополитические риски в начале XXI века непосредственно в отношении ядерной проблематики?

«В течение двух последних десятилетий США вели непрерывные войны с неочевидными политическими результатами, но с демонстрацией <...> возможностей <...> высокоэффективной военной машины, оснащенной самой современной боевой и специализированной техникой. В сознании многих американских политиков и высокопоставленных военных грань между войной и миром оказалась расплывчатой. Исчезла острота восприятия опасности перерастания политико-военного противостояния в ядерный конфликт с угрозой применения ядерного оружия» (Кокошин, 2015, с. 965).

Такая угроза стратегической стабильности в ядерных вопросах в современном мире, называется экспертом в качестве *главного геополитического риска*. В этой связи отмечается, что преувеличение вероятности ядерных конфликтов в ближайшие десятилетия является излишней, но в тоже время принципиально неверно полностью исключать, пусть даже гипотетическую, возможность их возникновения. Это не снимает возникшей геополитической напряженности во взаимоотношениях главных субъектов исторического процесса – России, США, Китая и Турции.

Отношения с Китаем, при всех позитивных усилиях обеих сторон, реализованных в последнее время, не лишены проблемных точек, о которых необходимо помнить и учитывать их влияние в ближайшей перспективе. Если обратиться к уже существующим точкам геополитической напряженности, то в этой связи А. Кокошин утверждает, что сегодня в условиях силовых действий США и их союзников, оправдываемых, в частности, «украинским кризисом», вероятность дальнейшего обострения политико-военной обстановки значительно увеличилась. У Вашингтона может возникнуть соблазн воспользоваться преимуществом в силах общего назначения, особенно в военно-морских силах, для демонстрации своего превосходства. Что на несколько ступеней поднимет вероятность ядерного противостояния (конфликта) вверх по «лестнице эскалации» (Кокошин, 2015).¹⁵

Обеспечение глобальной и региональной стратегической стабильности тесно связано с вопросами обеспечения нераспространения ядерного оружия.

Новые члены «ядерного клуба» (Индия, Пакистан, Северная Корея, Израиль) и перспектива появления новых ядерных государств с непредсказуемостью их военно-стратегического поведения⁶ создают новые угрозы и риски обеспечения стратегической стабильности в мире (Кокошин, 2009). Такого рода глобальные риски создают новую геополитическую

¹⁵ При этом западные политические лидеры, в связи с различного рода кризисными ситуациями в их странах, утверждает А. Кокошин, зачастую оказываются в стрессовой ситуации, снижающей степень психологической рациональности принимаемых ими решений. Кроме этого, надо иметь в виду, что *под воздействием совокупности политико-психологических факторов*, когда возникают далеко нерациональные мотивы и формы поведения, даже не очень эффективная противоракетная система способна породить у обладающего ею государства опаснейшую иллюзию, будто бы можно отбить мощный ответный удар другой стороны.

⁶ Поведение клуба «старых» ядерных держав (РФ, США, КНР, Франции и Великобритании) зафиксировано в соответствующих международных документах и отличается от поведения «новых» членов.

ситуацию в мире. Какие новые проблемы в этой связи возникают для обеспечения стратегической стабильности России? Чтобы ответить на этот вопрос, необходим анализ этой проблематики в зарубежной политологии и политической психологии. Но прежде всего, необходимо кратко обозначить стратегическую логику нераспространения оружия массового поражения и ядерного сдерживания в XXI веке в целом.

Стратегические проблемы ядерной стабильности в XXI веке: логика ограничения нераспространения химического, бактериологического и ядерного оружия в мире

Подробный анализ этих проблем выходит за рамки данной работы (см.: Mount, 2015). Устав ООН определяет порядок и задачи решения этой проблемы. Основными органами по разоружению в рамках ООН являются: Комиссия ООН и Конференция ООН по разоружению. Комиссия ООН готовит рекомендации, разрабатывает общие принципы переговоров, и следит за выполнением решений специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН в этой области.

Рассмотрим кратко содержание действующих международных договоров и соглашений относительно разоружения¹⁶.

Договор о запрещении ядерных испытаний

5 августа 1963 г. в Москве представителями СССР, США и Великобритании был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Договор имел универсальный характер: он был открыт для подписания всеми государствами.

Договор о нераспространении ядерного оружия

¹⁶ Здесь и далее в соответствии с ресурсом: <http://www.bibliotekar.ru/mezhdunarodnoe-pravo-2/138.htm>.

XXII сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила проект Договора, который был открыт для подписания 1 июля 1968 г. в столицах трех государств: Москве, Вашингтоне и Лондоне. Договор является универсальным, поскольку в нем могут участвовать все без исключения государства.

Договоры о демилитаризации отдельных территориальных пространств

Институт демилитаризации содержит ряд международных договоров, которые запрещают размещение и использование всякого оружия или его наиболее опасных видов на определенной территории. В эту группу входят: *Договор об Антарктике 1959 г.*, *Договор о космосе 1967 г.*, *Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 г.*

К этой группе договоров относятся договоры о безъядерных зонах в Латинской Америке – *Договор Тлателолко*, 1967 г. и в южной части Тихого океана, *Договор Раратонга*, 1985 г.

Договоры об ограничении стратегических вооружений

Наиболее важными с точки зрения решения вопросов разоружения являются советско-американские двусторонние договоры:

- *Договор об ограничении систем противоракетной обороты* от 26 мая 1972 г. и дополнительный *Протокол* к нему от 3 июля 1974 г.;
- *Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1)*;
- *Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2)*;
- *Договор о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности* от 8 декабря 1987 г.;
- *Договор между Российской Федерацией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений* от 3 января 1993 г.

Договор 1987 г. предусмотрел ликвидацию всех ракет средней и меньшей дальности, пусковых установок к ним, вспомогательных сооружений и вспомогательного оборудования. Сроки ликвидации: для ракет средней

дальности – 3 года; для ракет меньшей дальности – 18 месяцев после вступления *Договора* в силу. В дальнейшем ни одна из сторон не производит никаких ракет указанных двух классов и пусковых установок для них.

Конвенция о запрещении бактериологического и токсинного оружия

Женевский протокол 1925 г. – это запрещение применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. *Конвенция* о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении была открыта для подписания всеми странами. Первыми ее подписали представители СССР, США и Великобритании. Конвенция имеет универсальный характер и является бессрочной.

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении

Данная Конвенция была открыта для подписания в январе 1993 года. Каждое государство – участник Конвенции обязано уничтожить химическое оружие, которое находится в его собственности или владении или которое размещено в любом месте под его юрисдикцией или контролем или оставлено им на территории другого государства. Согласно Конвенции должны быть уничтожены любые объекты по производству химического оружия. Российская Федерация в числе первых подписала Конвенцию, а Федеральным законом от 5 ноября 1997 г. ее ратифицировала.

Один из таких примеров – это усилия международного сообщества по ликвидации химического оружия в Сирии. И Россия предприняла основные усилия для урегулирования проблемы.¹⁷

¹⁷ Стоит упомянуть, что по вопросам ограничения химического оружия, начиная с Конвенции об ограничении химического оружия в 1992 г., лидером в этой сфере международной деятельности был Иран.

Проблема современных геополитических рисков для ядерной стабильности в современном мире¹⁸

Зарубежные политологические исследования по данной проблематике достаточно широки и могут быть сгруппированы вокруг ряда базовых вопросов:

- проблема ядерных отношений между Россией и США;
- проблема ядерных отношений между Китаем и США;
- проблема ядерного потенциала Европы и НАТО в сравнении с потенциалом России;
- проблема ядерных отношений между Индией и Пакистаном;
- и проблема новых ядерных держав мира (Индии и Пакистана, Северной Кореи, Израиля и других стран, способных быстро приобрести ядерное оружие).

¹⁸ Наиболее показательным примером усилий международного сообщества по ограничению распространения ядерного оружия остается ситуация с ядерной программой Ирана. 14 июля 2015 г. основными участниками переговоров Россией, США, Китаем, Францией, Германией и Англией, включая Иран, был принят документ по предотвращению становления Ирана как ядерной державы. После принятия этого документа усилия международного сообщества были сосредоточены на обеспечении мирных рамок иранских исследований по ядерной проблематике. Подписанные договоренности включали проведение международных инспекций для проверки соблюдения Ираном этих соглашений. Озабоченность мирового сообщества в отношении ядерной программы Ирана – основа долгосрочной программы, направленной на установления стабильности в этом регионе (Levis, 2015). Успешное ограничение планов Ирана в области ядерных исследований явилось хорошим опытом для других ситуаций, которые потенциально могут угрожать установлению долговременного мира и безопасности как в регионе Ближнего Востока, так и в других регионах мира (есть и другие примеры, например, Бразилия, см. ниже). Пример разработки ядерного оружия Ираном оказался фундаментальным для редукции ядерных рисков (Browen, 2015). И единственной страной на Ближнем Востоке, обладающей на данный момент ядерным оружием, является Израиль, хотя государством этот факт официально не признан.

Проблема ядерных отношений между Россией и США

Между США и Россией существует паритет по ядерным потенциалам и стратегические договоренности по взаимным действиям при возникновении кризисных ситуаций, которые являются основой для решения всех возникающих противоречий (Журавлев, Нестик, Соснин, 201; Кокошин, 2015). Однако, несмотря на их наличие, США не исключает и периодически применяет давление на Россию в этих вопросах. У США остаются способы для такого давления – это и односторонний выход США из договора по ПРО, и установка систем ПРО вокруг границ России.

Проблема ядерных отношений между Китаем и США

В отечественной литературе эта проблема пока обсуждается недостаточно, хотя имеет непосредственное отношение к стратегической безопасности России. Вот, например, в докладе Центра стратегических и международных исследований США (CSIS) приведены соображения таких экспертов, как Е. Колби, А. Денмарка, Дж. Вардена (Colby, Denmark, Warden, 2013).

Этот доклад Центра стратегических и международных исследований США ориентирован на анализ ряда важных проблем, возникающих между США и Китаем по ядерным проблемам, и выработке рекомендаций для США.

США, начиная с 1970-х годов, рассматривали Китай как главный фактор противостояния своей стратегической политике в Азии. Источники противоречий, способных привести к глобальному конфликту между США и их союзниками в этом регионе, с одной стороны, и Китаем, с другой, остаются и на настоящий момент.

Авторы анализируют важность отношений между США и Китаем в сфере ядерных проблем в вопросах ограничения разработки ядерных вооружений, которое является механизмом сохранения доминирования США в регионе, несмотря на то, что само доминирование остается большой проблемой и, по сути, отсутствует.

Несмотря на успешные экономические реформы в Китае, которые США внешне приветствуют, темпы развития и самостоятельное поведение Китая вызывает у них озабоченность, поскольку, по их мнению, они могут подорвать интересы США в этом регионе. Аналитики утверждают, что возможный конфликт может оказаться крайне опасным, поскольку его последствия могут касаться ядерной сферы. И хотя такая война представляется маловероятной, исключить ее вероятность на данный момент не представляется возможным, поэтому по утверждению специалистов группы CSIS необходимо продолжать усилия во избежание глобального конфликта между США и Китаем в военной этой сфере главным образом путем проведения переговоров (Colby, Denmark, Warden, 2013).

Содержательно проблемы взаимоотношений между США и Китаем, которые могут иметь потенциальное отношение к ядерным проблемам, выглядят следующим образом. Это, прежде всего, ряд геополитических вопросов и противоречий, которые вызывают у обеих стран напряженность и потенциальные конфликты.

– *Тайвань* остается опасным источником напряженности между США и Китаем. США, стремясь обеспечить свое доминирование в регионе, использует остров как важный геостратегический объект отстаивания своих геополитических интересов. Используя сложный политический узел, существующий между КНР и Китайской республикой, США поддерживают интересы Тайваня, оспаривая, таким образом, претензии Китайской народной республики на владение этой территорией. Очевидно, что это регион входит в зону риска, поскольку противостояние идет между двумя ядерными державами.

– *Китайский полуостров* - это место, где реальна возможность возникновения конфликта между Северной и Южной Кореями, но также и Японией, США, Китаем, и даже Россией. США стремится к разрушению северокорейского государства как субъекта геополитической истории. Одной из очевидных причин являются постоянные заявления руководства страны об обладании ядерным оружием. Северная Корея объявила об испытании

термоядерного оружия в декабре 2015 года. Это вызвало резкую реакцию стран, членов клуба. Все ядерные страны, включая Россию и Китай, официально резко осудили Северную Корею за нарушение международных соглашений. В свое оправдание Северная Корея приводит постоянные угрозы США и исторические примеры таких стран, как Югославия, Ирак, Ливия, не имевших ядерного оружия и ставших объектами агрессии и фактического уничтожения западными странами. Россия не может оставаться в стороне от ситуации, поскольку имеет общую границу с Северной Кореей. Наличие ядерного оружия на границе с Россией – это объективно угроза ее безопасности. Северная Корея также вполне объективно входит в геополитические интересы Китая, который не останется в стороне от агрессии в отношении Северной Кореи, несмотря на собственные официальные заявления и санкции в отношении Северной Кореи, принятыми ООН.

– *Территориальные проблемы демаркации* – эти противоречия в Восточном и Южно-Китайском море в отношении суверенности малых островов увеличили напряженность между Китаем и другими странами этого региона (в частности, Японией). История этого вопроса подробно представлена в ряде публикаций (см.: Frarel, 2008).

Упомянутые выше противоречия, потенциально могут привести к глобальному конфликту между державами – США и Китаем, несмотря на то, что многие из проблемных моментов защищены международными договоренностями. Есть и другие факторы противоречий отношений между США и Китаем, которые скорее можно отнести к психологическим. Например, ядерные отношения между США и Китаем осложняются тем обстоятельством, что они имеют ядерные отношения с другими странами – союзниками, с которыми также связаны международными договорами и т.д. Это так называемая проблема «внешних факторов давления», когда сдвиг отношений одной из сторон в ядерном уравнении изменяет эти отношения с другими странами. Например, другие страны, Индия, Пакистан и Россия, обращают

особое внимание на ядерные отношения США и Китая и на их изменение в регионе (Action, 2012).

Одновременно с этими неблагоприятными моментами присутствуют и позитивные факторы, способствующие ядерному сдерживанию в регионе: призывы к установлению доверия во взаимоотношениях между странами, постоянные взаимные визиты в расположение мест стратегических ракет обеих стран, взаимное предупреждение об испытаниях ядерных систем и их пусков, возможные взаимные визиты к ядерным реакторам, контроля их обогащения, развитие взаимной координации стратегической стабильности.

В этой связи будут уместны следующие суждения. Отношения между США и Китаем, особенно в сфере ядерной проблематики имеют глобальные последствия для развития цивилизации в XXI веке. Эта проблема, как ни какая другая, является важной для поддержания интересов США и их союзников в регионе Южной Азии. Возможность использования ядерного оружия в этом регионе и предотвращение этой возможности – главная ответственность ядерных держав.

Китай для России в определенной временной перспективе объективно является стратегическим союзником. При его наступающем доминировании как ведущей державы XXI века, и утратой США своих лидирующих позиций в мире, для России вырисовываются новые геополитические условия на евразийском континенте, к которым необходимо готовиться уже сейчас.

Северная Корея имеет общую границу с Россией, которой безразлично, какая ядерная держава, дружественная или враждебная, находится на ее границах. На данный момент в соответствии с международными обязательствами Россия, также как и Китай, поддерживают Северную Корею, что также является точкой геополитических рисков в регионе.

Проблема ядерных отношений в Южной Азии – между Индией и Пакистаном

Работ по анализу этой проблематики в зарубежных источниках не так много. Остановимся кратко на анализе этой проблемы, опираясь на данные ряда работ западных авторов (Khalid, 2012; Levis, 2015).

Геополитические отношения в Южной Азии характеризуется главным образом противоречиями между Индией и Пакистаном. Источником гонки обычных вооружений и ядерных усилий этих стран являются религиозные проблемы. Для нормализации отношений обе страны выбрали политику наращивания ядерного потенциала. Ядерные доктрины и противоречия между ведущими ядерными державами Южной Азии создают угрозу стабильности этого региона в целом. Доктрина – это совокупность правил и принципов, используемых страной для реализации международной политики, включая ядерные аспекты. Когда говорится о ядерной доктрине страны имеются в виду позиции, определяющие использование ядерных средств при возникновении ядерного кризиса. Ядерная доктрина всех стран имеет две формы: наступательную и защитную. Ядерная доктрина существенно отличается от стратегии. Стратегия – это планирование военных операций, а ядерная доктрина – общее руководство для принятия стратегических решений (Freedman, 2003).

Формирование ядерной доктрины Индии относится к 1998 году, когда правительственный Комитет Индии по проблемам безопасности представил доклад для правительства. Он был опубликован в открытой печати для одобрения обществом. Этот документ позволяет понять «ядерное мышление» руководства Индии, которое сформулировано в двух положениях: любая угроза использования ядерного оружия против Индии вызовет ответные меры, и любая атака против Индии вызовет ответные меры с применением ядерного оружия для нанесения неприемлемого ущерба агрессору.

Теперь о ядерной доктрине Пакистана, который приобрел ядерное оружие в ответ на приобретение ядерного оружия Индией, первоначально придерживаясь политики соответствующей концепции «Атом для Мира». После совершения враждебных актов со стороны Индии (в частности, в 1971 г.)

Пакистан изменил свою позицию, и политическое руководство страны приняло стратегическое решение приобрести ядерное оружие (Khalid. 2011). Была разработана ядерная доктрина под руководством бывшего премьер-министра Н. Шарифа (N. Sharif) (The Pacific Times, 1974). И Пакистан реализовал это намерение для своей защиты от Индии (Matiuddin, 2002). В принципе, ядерная доктрина Пакистана содержала те же позиции, что и ядерная доктрина Индии: структура ядерных сил, проблемы управления и контроля, готовность применения ядерного оружия при возникновении ядерного кризиса и ряд других сходных проблем (Lavoy, 2005). Генерал П. Мушараф (P. Musharaf) в 2003 г. высказал следующие внешнеполитические тезисы, связанные с обладанием страной ядерным оружием: Пакистан имеет достаточно ядерных средств для уверенности в своей безопасности; Пакистан никогда не воспользуется правом первым нанести ядерный удар агрессору Пакистан уверен в поддержании минимума ядерного вооружения и не хочет использовать свои ресурсы для гонки вооружений массового поражения в регионе (Chakma, 2009).

Тем не менее, между Индией и Пакистаном остаются геополитические противоречия. В этой связи был принят меморандум – «Меморандум понимания». Он включал ряд позиций: проведение двусторонних переговоров по ядерным доктринам обеих стран; обе стороны будут представлять друг другу заранее предупреждения об испытаниях баллистических ракет; они подтверждают намерение извещать друг друга заранее для уменьшения рисков в случайном или не санкционированном использовании ядерного оружия, для этого предусмотрен механизм коммуникации; сохраняют мораторий на проведение дальнейших испытаний ядерного оружия за исключением ситуаций, когда стороны считают это необходимым для обеспечения своей безопасности; подтверждают необходимость проведения 2-х сторонних консультаций по проблемам безопасности, разоружения и не распространения ядерного оружия (Lodhi. 2011. p. 321).

Такова в целом проблематика противоречий в регионе Южной Азии, при этом существуют и частные вопросы, которые имеют не меньшую остроту. К таким вопросам относятся, например, позиции стран по Кашмиру, который как спорная территория всегда был одной из основных причин противоречий между Индией и Пакистаном.

Ядерные испытания Индии в этом регионе были признаны международным сообществом как серьезная угроза стратегической стабильности. Поэтому возможность военной конфронтации между Индией и Пакистаном в отношении Кашмира имеет особое звучание в противоречиях этих стран (Pattanaik, 2008).

Для России Индия и Пакистан – это наши геополитические союзники в перспективе. Индия входит в организации ШОС и БРИКС, а Пакистан показывает стремление к вступлению в эти структуры. И если между этими странами возникнут ядерные проблемы, России должна готовиться к реагированию на них.

Проблема ядерного потенциала Европы и НАТО в сравнении с потенциалом России

Кратко можно сказать следующее, совокупный ядерный потенциал Европы (Франции и Англии) значительно уступает ядерному потенциалу России. При возникновении возможного ядерного конфликта между ними, а также Китаем, только США, как главный член НАТО, могут оказать соответствующее противодействие (Кокошин, 2015; Letov, 2010).

Проблема новых ядерных держав мира – Северной Кореи, Израиля и других стран, способных быстро приобрести ядерное оружие

Эта проблема особенно сложная для «клуба старых ядерных держав». Поскольку обладание ядерным оружием является инструментом политической независимости государства во взаимоотношениях с другими субъектами истории, ядерные державы всеми средствами готовы препятствовать этому, и

собственно, реализуют такую политику, политическими, дипломатическими, экономическими, и военными средствами. Так, например, Северная Корея, являясь ядерной державой, ведет себя непредсказуемым образом, что не устраивает мировое сообщество. Среди стран, готовых обладать таким оружием, Германия, Иран, Саудовская Аравия.

Исторически становление ядерного потенциала государств выглядело следующим образом. Первая волна приобретения ядерного оружия была инициирована Соединенными Штатами в 1945 г., СССР в 1949 г. и Великобританией в 1952 г. Вторая волна была инициирована Францией в 1960 г. и Китаем в 1964 г. Третья волна приобретения ядерного оружия была предпринята Индией в 1974 г., Пакистаном в 1987 г. (так считается официально) и Израилем в 1967 г. (хотя официального признания этому факту нет) (Cohen, 2013). Проведение ядерных испытаний в Северной Корее (2006 г., 2009 г., 2013 г., 2015 г.) можно считать четвертой фазой приобретения ядерного оружия.

Очевидно, что применение США ядерной бомбы в Японии в конце Второй мировой войны, становление блока НАТО, в котором уже не одно государство имело ядерное оружие, было воспринято мировым сообществом как угроза, и страны, имеющие соответствующий научный потенциал и экономические ресурсы, стали поступательно развивать свои ядерные возможности для стратегического противодействия угрозам XX и теперь и XXI века. Северная Корея в этом отношении продолжает оставаться самым наглядным примером. Фактическое уничтожение Югославии, Ливии и Ирака стали для этого государства с непростой политической системой, которая не устраивает большинство западных стран, убедительным тревожным сигналом. В том отношении позиции и Северной Кореи, и Ирана являются понятными, не имея на данном историческом этапе других возможностей, они видят в разработке ядерного пути к сдерживанию возможной агрессии против их стран.

Другие страны, имеющие и интеллектуальный, и научно-технологический потенциал, и материальные возможности для таких действий

пока декларируют позицию отказа от приобретения ядерного оружия. Но стран, готовых к его приобретению, в мире довольно много. К ним относятся, помимо уже названных: Аргентина, Бразилия, Канада, Египет, Германия, Греция, Индонезия, Италия, Япония, Казахстан, Ливия, Норвегия, Румыния, Южная Корея, Швеция, Швейцария, Тайвань, Турция, Украина и бывшая Югославия (Walsh, 2005).

Например, Бразилия на протяжении 40 лет, начиная с 1950-х до 1990-х годов, разрабатывала программу развития ядерных компонентов для их использования в мирном энергетическом обеспечении страны. При этом до настоящего времени заявлений или активных действий по разработке оружия это государство не делало (Ruble, 2010).

Проведенный геополитический анализ показывает, что в современном мире ни одно из государств не отказывается от использования всех доступных возможностей адекватно отвечать на глобальные геополитические риски, и для поддержания своего существования как субъекта исторического процесса при возникновении конфликтов и угроз независимости государства давать соответствующий отпор (Mount, 2015; Colby, Denmark, Warden, 2013; Levis, 2015; Letov, 2010).

Несколько слов необходимо сказать еще об одном геополитическом риске для России, хотя и не связанным с проблематикой СС и ЯС. Это внутренняя экономическая ситуация в стране и собственно экономическая политика Правительства Российской Федерации. Многие аналитики считают, что эта политика ориентирована на обеспечение интересов бизнеса, а не на рост благосостояния народа. Она ведет к обнищанию населения, росту социальных протестных настроений и дает почву представителям оппозиции, в том числе, либеральной, а также различными НКО, спонсируемыми западными странами, для возбуждения социальных конфликтов в стране.

Если эти проблемы не будут решены властью, то проблема СС и ЯС в России может стать «второстепенной проблемой», поскольку основной угрозой для страны станет взрыв социального недовольства, и последующие

социальные конфликты. Работа власти в такой ситуации должна вестись сразу по всем направлениям, как собственно по пути экономических реформ и развития, так и в плане противодействия структурам, использующим недостатки управления и объективные экономические трудности для подрыва государственности. В конечном итоге вся эта работа будет идти в пользу общественного порядка в стране сохранения мира в целом. У экспертов, опирающихся на исторический опыт нашей страны, достаточно оснований для позитивных прогнозов в этих вопросах, несмотря на то, что работа руководства в современных условиях идет под постоянным давлением, исходящим от Запада (см., например: Кортуннов, 2010).

Психологические проблемы СС и ЯС в XXI веке: психологические особенности ядерного противостояния

Анализ геополитических условий в различных регионах мира, проведенный в настоящей работе, показывает, что геополитическими последствиями, связанными с внешнеполитическими интересами, например, США, при сохранении курса на их мировое доминирование, являются обострения внешнеполитических отношений в регионах, либо обеспечивающих это доминирование, либо противостоящее ему. При этом социально-психологическими проблемами, связанными с такими геополитическими последствиями, могут быть следующие макропсихологические явления: обострение отношений между большими социальными группами; манипуляция массовым сознанием; внутривнутриполитическая нестабильность; возникновение кризисного сознания; обострение таких коллективных чувств, как тревога, страх, неуверенность.

В настоящей работе в рамках рассмотрения геополитических рисков и ядерного сдерживания предлагается рассмотреть и обозначить ряд направлений социально-психологических исследований данной проблемы. Так, представляется, что анализируемая проблематика может быть рассмотрена с позиций психологии *коллективных чувств*, характерных для современного

российского общества, и имеющих отношение к актуальным российским геополитическим условиям (Емельянова, 2016), а также социальной психологии *коллективной памяти, опыта и времени* (Нестик, 2003; 2015). Психология социальных представлений (Емельянова, 2016) и концепция психологических отношений субъектов (Позняков, 2013), тесно связанные с вышеназванными подходами, также могут служить самостоятельными направлениями изучения проблематики геополитических рисков и ядерного сдерживания.

Для современного российского общества опыт народа, полученный в войнах, прошедших в XX веке на территории страны, Первой мировой и Гражданской, и, особенно, Великой Отечественной войны, имеет определяющее значение при формировании отношения граждан к военным конфликтам, гонке вооружений, возможности применения ядерного оружия и необходимости противодействия этому. Огромные человеческие потери и экономические разрушения, затронувшие практически каждую семью в стране, являются основой резко отрицательного отношения россиян к войне, а военная инициатива представляется неприемлемой. Одновременно с этим Победа в Великой Отечественной войне является основой таких важных для нации идентификационных процессов, как возникновение коллективных чувств национальной гордости и уверенности в своих возможностях и характере, а также переживание своей миссии, каковой явилось освобождение мира от фашизма.

Ядерное вооружение также имеет особые коннотации в общественном сознании, которые характеризуются в большинстве положительной окраской. Ядерный потенциал страны является гордостью нации, поскольку его разработка связана с именами выдающихся учёных и проходила в самые трудные годы отечественной истории, в том числе, не прекращалась во время Великой Отечественной войны. Гордость связана также с тем, что Советский Союз, в отличие от США, не запятнал себя трагическим использованием ядерного оружия, несмотря на ряд внутренних экологических проблем,

связанных с его разработкой и испытанием (Жизненные силы человека..., 2000).

Трансформационные процессы в России в 1990-х годах прошлого века (Динамика социально-психологических явлений ..., 1996; Социально-психологическая динамика ..., 1998; Социально-психологические исследования руководства ..., 1999) затронули не только политическую, экономическую и социально-психологическую сферы, но и ряд других, к которым, несомненно, можно отнести отношение к военной отрасли, в целом, и, конкретно, производству ядерного оружия.

Отказ от некоторых внешнеполитических принципов, в частности, от гонки вооружений, как критикуемого, но, тем не менее, необходимого элемента военного и политического курса Советского Союза, одновременно повлек за собой утрату сдерживающих механизмов, обеспечивающих безопасность государства. В частности, это касается принципа ядерного сдерживания, поскольку Россия в одностороннем порядке отказывалась от некоторых видов вооружений, в том числе, ядерных. Этот процесс является позитивным только на первый взгляд, однако при отсутствии соответствующей инициативы с противоположной стороны, принципы геополитического равновесия, баланса и стабильности нарушаются, что и случилось на территории, например, Восточной Европы в связи с расширением НАТО. Навязанный России комплекс вины за коммунистическое прошлое был использован как средство атаки на ее активную позицию в гонке вооружений. При этом руководством страны при выработке новой политики в первые годы демократизации не были учтены именно базовые, фундаментальные принципы сдерживания, заключающиеся в равновесии ядерных потенциалов и строгом паритете, зафиксированном в договорах. Отсутствие достаточной политической воли не позволило государству настаивать на четком выполнении договоров другой стороной, а также повлекло отказ от применения ряда собственных технологий, что и стало причинами, которые привели к решению о развертывании в Европе

системы ПРО, которая потенциально может стать оружием массового поражения ядерного характера.

Таким образом, в годы перестройки в стране было подорвано понимание необходимости активной перспективной работы по защите собственной территории, в том числе за счет развития и поддержания ядерного щита страны. Эта неуверенность, а также необходимость новых усилий по сдерживанию приводит к травматизации населения, которая проявляется в восприятии темы, как спорной, неоднозначной, стрессовой. Так, среди коллективных эмоций современного российского общества страх из-за возможности применения ядерного оружия остается в числе актуальных переживаний, причем с 2013 года эта цифра выросла на 9% (Емельянова, 2016). Изменения, происходящие последние 25-30 лет в российском обществе, можно охарактеризовать как трансформационные, которые являются, с одной стороны, парадигмальными, а с другой, и одновременно, недостаточно управляемыми. В условиях реформ, реальной или возможной внутривнутриполитической нестабильности, проблема ядерного оружия может стать одним из дополнительных источников дестабилизации, внутреннего социального конфликта, не только политической борьбы и расслоения правящей элиты, но и усиления манипуляции массовым сознанием и коллективными чувствами (Емельянова, 2009).

Коллективные чувства – это устойчивые аффективные переживания, связанные со стабильными политическими, экономическими, культурными и другими условиями (Емельянова, 2016). Соответственно, динамика коллективных чувств по отношению к ядерному сдерживанию и возможному применению ядерного оружия, как чрезвычайно важным жизненным темам, может сочетать в себе яркие и противоположные по содержанию чувства. Это, например, надежда и тревога, которые, не имея достаточного разрешения, могут сами по себе являться основой дополнительной травматизации общества. Таким образом, проблема ядерного сдерживания, ее фундаментальное, грамотное и позитивное решение – это вклад в *психологическое благополучие* современного общества.

Лидеры, их личностные качества и внутренняя динамика в группе лидеров (руководства страны, военных руководителей), играют роль в конкретных ситуациях, например, кризисных (Нестик, 2016), в то время как при построении долговременных политических стратегий политики вынуждены апеллировать к *глубинным национальным психологическим структурам* – коллективной памяти и коллективному опыту. Так, неприятие войны, коллективная травма и опыт нашего народа в последней войне связывают процессы ядерного сдерживания с подтверждением национальной идентификации – страны-победительницы и страны-миротворца. Однако в этом процессе важно увидеть манипулятивную составляющую, заключающуюся в том, что такая позиция может создавать сложности России вести внешнюю политику, которая в современных геополитических условиях невозможна без военного присутствия в ряде регионов и наращивания вооружений, в том числе ядерных. Общественная позиция и коллективные чувства в этом вопросе являются «расщепленными» – от поддержки необходимости военного развития страны, понимания его истинного значения, а также необходимости ядерного сдерживания при одновременном техническом развитии этого вида вооружений с целью надежного обеспечения обороноспособности страны, до неприятия активной военной роли страны на мировой арене. Образ агрессора по отношению к России, который был создан в последние годы в западных СМИ, имеет целью, в том числе, подтолкнуть руководство страны к политике сдерживания, которая может привести к серьезным негативным геополитическим последствиям для будущего страны.

Одной из *функций* коллективных чувств является то, что они выступают основой межгрупповых отношений, на их основе строится образ будущего. Амбивалентные чувства по отношению к определенному объекту подразумевают необходимость совладания с проблемой, что может привести к актуализации процесса коупинга, в результате чего, в свою очередь, складываются различные социальные представления, поддерживающие непротиворечивую картину мира для данной группы (Емельянова, 2016;

Емельянова, Журавлев, 2009; и др.). Возросшая в 2015 году тревога по поводу возможной ядерной угрозы, является маркером частично не срабатывающей системы ядерного сдерживания, её недостаточной сбалансированности, и, соответственно, увеличения геополитического риска на конкретной территории. Феномен катастрофического сознания, который заключается в преобладании негативных чувств у коллективного субъекта (Емельянова, 2016), свидетельствует о росте социальной напряженности, одним из способов совладания с которой является диалог о совместном прошлом, настоящем и будущем (Нестик, 2014). В этом смысле важным представляется построение реалистичного, позитивного и надежного для нации образа будущего, который может послужить одной из основ как рационального поведения государства, так и эмоционального благополучия граждан.

ВЫВОДЫ

Актуальная проблематика стратегической стабильности и ядерного сдерживания представлена в настоящей работе с позиции нового научного социально-психологического направления – *геополитической психологии*. Основными чертами этого формирующегося научного подхода является синтез исторического, политологического, юридического, экономического, социально-психологического и др. массивов знаний о проблеме с целью формулировки актуальных вопросов, проблемных точек и наиболее перспективных исследовательских ракурсов (см., например: Психология: современные направления ..., 2003; и др.).

Анализ геополитических рисков и связанной с ним социально-психологической проблематики проведен на основе всестороннего изучения тенденций проблемы СС и ЯС в различных регионах мира, так или иначе связанных с Россией в этом отношении.

Обсуждены глобальные геополитические риски стратегической стабильности и ядерного сдерживания в мире в целом. При этом отдельно были рассмотрены геополитические риски, связанные с проблематикой современного

терроризма, геополитические последствия внешнеполитических интересов США и геополитические риски для России по ядерным проблемам. Показана логика ограничения нераспространения химического, бактериологического и ядерного оружия в мире. Дан дифференциальный анализ внешнеполитических отношений между странами-членами ядерного клуба: проблема ядерных отношений между Россией и США, проблема ядерных отношений между Китаем и США и проблема ядерного потенциала Европы и НАТО в сравнении с потенциалом России.

Таким образом, была сформирована междисциплинарная основа для рассмотрения социально-психологической проблематики, связанной с геополитическими рисками в отношении стратегической стабильности и ядерного сдерживания. Были выделены наиболее релевантные социально-психологические подходы, способные составить методологическую основу геополитического психологического анализа по данному вопросу. Прежде всего, это *психология больших социальных групп как коллективных субъектов, психология коллективных чувств, коллективной памяти, коллективного опыта и времени*. Обращение к этим социально-психологическим направлениям подчеркивает, что необходимым условием анализа той или иной проблемы в рамках геополитической психологии является ее исторический анализ (см.: Историческая психология ..., 2004; Королев и др., 2011; и др.). Для проблемы СС и ЯС помимо истории распространения ядерного оружия – это также и анализ опыта народа, связанного с военной тематикой в целом.

Также были обозначены основные проблемы, на решение которых могут быть направлены усилия геополитического психологического исследования. Это такие явления, как обострение отношений между большими социальными группами, манипуляция массовым сознанием, возникновение и нарастание кризисного сознания, обострение катастрофических коллективных чувств.

Показаны основные способы достижения психологического благополучия граждан при столкновении с геополитическими рисками, связанными с СС и ЯС. Компенсации и редукции социальной напряженности в

связи с актуализацией катастрофического сознания может способствовать реалистичный и позитивный образ будущего, формирование которого возможно в открытом внутригражданском диалоге с привлечением заинтересованных СМИ.

Представляется, что исследования в области геополитической психологии в этой связи являются в высокой степени перспективными, поскольку могут способствовать обеспечению данного процесса новыми научными фактами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.

Емельянова Т.П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп [Электронный ресурс] / Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 1. С. 3-22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).

Емельянова Т.П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Емельянова Т.П. Социальные представления и символический коупинг в условиях культурной травмы // Макропсихология современного российского общества. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С.85-136.

Емельянова Т.П., Журавлев А.Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5-15.

Жизненные силы человека: социальная метатеория или виталистская социологическая парадигма? / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир, 2016. С. 12-17.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. Т. 32. № 2. 2011. С. 5-24.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Извольский А. Три истошных вопля паникера: почему мы не готовы к большой войне // Завтра. 2015.и № 48.

Историческая психология: предмет, структура и методы. М., 2004.

Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. М.: КРАСАНД, 2009.

Кокошин А.А. (рук. колл.). Долгосрочные изменения в системе мировой политики и интересы России в свете Санкт-Петербургского саммита «Группы двадцати». М.: Ленанд, 2013.

Кокошин А.А. Стратегическая стабильность. Научно-технические, военные и политические аспекты // Вестник российской академии наук. 2015. Т.85. №11. С. 963-970.

Королев А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: неумолчный диалог. Учебное пособие / Под ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

Кортунов С.В. Россия в мировой политике после кризиса. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010.

- Левицкий Р., Сондерс Д., Барри Б., Минтон Дж.* Самое главное о переговорах. Пер. с англ. М.: Форум, 2006.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Нестик Т.А.* Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 12-21.
- Нестик Т.А.* Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Дисс. ... докт. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2015.
- Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 1-11.
- Нестик Т.А.* Психологические аспекты распространения ядерного оружия и готовности к его применению [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 1. С. 143-173. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document203.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Управление совместной деятельностью в условиях неопределенности // Социальная психология труда: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 91-114.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27-37.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические исследования нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2011.

- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Соснин В.А.* Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: Форум, 2015.
- Соснин В.А.* Проблема ИГИЛ в современной геополитической ситуации: детерминанты феномена привлекательности и стратегии противодействия [Электронный ресурс] / Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 1. С. 126-142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document209.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).
- Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Соснин В.А., Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116-123.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Султанов Ш.* Терроризм в гибридном интернете // Завтра. 2015. № 46.
- Тодуа З.* Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Изд-во «ИН-ОКТАВИО», 2006.

- Эжиев И.Б.* Геополитический риск как политическая категория // *Власть*. 2009. №12. С.143-146.
- Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // *Экономическая наука современной России*. 2012. № 2. С. 137-140.
- Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // *Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России вы 2012 году*. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014. С. 92-100.
- Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Психологические факторы коррупции // *Вестник РАН*. 2015. Т. 85. № 11. С. 1019-1027.
- Action J.M.* Bombs Away? Being Realistic about Deep Nuclear Reductions? // *Washington Quarterly*. 35:2. Spring 2012. P. 37-53.
- Browen W., Morgan M.* Living with nuclear hedging: the implications of Iran's nuclear strategy // *International Affairs*. July 2015. V. 91. № 4 [Электронный ресурс] / URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/ia/living-nuclear-hedging-implications-irans-nuclear-strategy> (дата обращения: 18.05.2016).
- Chakma B.* Pakistan's nuclear Weapons. Oxon: Routledge, 2009.
- Cohen A.* The Worst Kept Secret: Israel's Bargain with the Bomb / Colombia University Press. 2013.
- Colby E.A., Denmark A.M.* Nuclear Weapons and U.S. – China Relation. A report of Poni working group. March 2013.
- George A.L.* Presidential Decisionmaking in foreign policy: The Effective Use of informational and Advice. Boulder: Westview Press, 1980.
- Gray C.S., Paine K.* Victory is possible // *Foreign Policy*. Summer 1980. P. 14-27. [Электронный ресурс] / URL: <http://home.earthlink.net/~platter/articles/80-summer-payne.html> (дата обращения 20.12.2016 г.).
- Frarel M.T.* Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict itchiness Territorial Disputes. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2008.

Freedman L. The Evolution of Nuclear Strategy. Hampshire, 2003.

Khalid I. Nuclear Doctrine: Ramifications for South Asia // Research Journal of South Studies. V.27. № 2. July-December. 2012. P.313-334.

Kierulff S. Zippin D. Knowledge, Attitudes and Beliefs Regarding nuclear «Weapons»: a Survey of registered voters in Los Angeles in 1985 / The Annual Convention of the American Psychological Association (93th, Los Angeles, LA, August 23-27, 1985) [Электронный ресурс] / URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED267304.pdf> (дата обращения: 20.12.2016).

Lavoy P.R. Pakistan's foreign relations // South Asia in World Politics / Ed. Devin T. Hagerty. Boulder, Colo.: Rowman & Littlefield, 2005.

Lebow R.N. Nuclear crisis management. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985.

Levis P. Iran and Nuclear Restraint // Research Paper. Middle North Africa Program and International Security Department. July.2015.

Letov P. Strengthening the nuclear nonproliferation regime. Council Special Report № 54. International Institutions and Global Governance Program. April, 2010.

Lodhi M. Pakistan beyond the «crisis state». NY.: Columbia University Press, 2011.

Matiuddin K. The nuclearisation of South Asia. Karachi: Ox-fordaik University Press.2002. P. 229.

Mount A. The Strategic logic of nuclear restrains // Global politics and strategy. V. 57. 2015. Issue 4. P. 53-76.

Ruble M.R. The Nuclear Threshold States: Challengers and Opportunities Posed by Brazil and Japan// Nonproliferation Review. V. 17. № 1. March, 2010.

Shepard G.N. Personality effects on American foreign policy // International Studies Quarterly. 1988. V. 32. P. 91-123.

The Pacific Times. 1974. June, 8.

Walsh J. Lessons from Past success: The NPT and the Future of Non-proliferation / The paper prepared for the Weapons of mass Destruction Commission. 41. Stockholm. October. 2005 [Электронный ресурс] / URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/wmdcno41.pdf> (дата обращения: 20.12.2016).